

К проблеме выявления авторского шифра в произведениях В. М. Шукшина

В. К. Васильев

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Уникальность творчества Шукшина заключается в том, что с середины 1960-х гг. он *сознательно* ищет и изобретает приемы шифровки своих произведений. Автор сам указал на некоторые способы создания «шифра». Он предлагает обращать внимание на «смещения акцентов», «намеки» и «полуслова», на сказанное как бы мельком, вскользь, на кажущиеся неглавными фрагменты текста. Острые проблемы, вопросы, завязка конфликта и сам конфликт могут быть означены Шукшиным в одном произведении, а продолжение, комментарий и ответы или вариант развязки даны в других, написанных порой годы спустя. Отсюда наличие героев-двойников, дублирующих эпизодов, сюжетных линий, поставленных во взаимоотношениях взаимодекодирующую позицию. Все, что связано с авторским шифром, необходимо, по подсказке писателя, возводить на уровень главной мысли. Цель такой художественной стратегии – рассказать правду о своем времени, заявить свою ненависть и бунт против советской власти.

Данная статья посвящена приемам, использованным Шукшиным при шифровке рассказов «Начальник», «Ораторский прием» и «Наказ», а также выяснению тех смыслов, которые несет авторский шифр.

Васильев В. К. К проблеме выявления авторского шифра в произведениях В. М. Шукшина // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 364–379.

Ключевые слова: творчество В. М. Шукшина, циклизация, текст-код, авторский шифр, методология анализа текста, антисоветская литература.

УДК 82.0

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-364-379

Контактная информация: Васильев Владимир Кириллович, кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия, v-v-kir@yandex.ru)

Сегодня тема «зашифрованный Шукшин», в отличие, например, даже от начала 1990-х гг., не вызовет у специалистов особого удивления. «Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного. <...> Я уж свыкся с этой манерой жить и работать» [Последние разговоры..., 2009, с. 191]. Это признание Шукшина относится к июлю-сентябрю 1974 г. Оно говорит о большем, нежели о своем праве заниматься искусством.

Что касается авторской шифровки, то в отечественной да и в мировой литературе просто нет аналогов тому, что сумел осуществить Шукшин. При исследовании его творчества выясняется, что писатель с определенного времени сознательно, весьма кропотливо и виртуозно выстраивал сложные конструкции, повторял и варьировал сюжеты и сюжетные ситуации, «сцеплял» между собой произведения, создавая таким образом единый, весьма неоднозначный текст. Неоднозначный в первую очередь в том отношении, что Василий Макарович «шифровал», прятал наиболее острые, криминальные для советской цензуры смыслы, и перед исследователями, прежде всего, стоит *задача вычленения этого зашифрованного шукшинского текста, «дешифровки» и оценивания его содержания.*

«Я специально разбрасываю свои рассказы по разным журналам. Чтобы не догадались, что это – одна книга», – передает слова друга Г. И. Бурков [1998, с. 260]. Острые проблемы, вопросы, завязка конфликта и сам конфликт могут быть означены у Шукшина в одном произведении, а продолжение, комментарий и ответы или вариант развязки даны в другом, написанном, может быть, годы спустя. А еще – в третьем и четвертом, в пятом... Отсюда наличие героев-двойников, дублирующих сцен, эпизодов, сюжетных линий.

Василий Макарович сам дал ключ к способам «шифровки» текста. Он предлагает читателю его произведений (написанных примерно с середины 1960-х гг.) обращать особое внимание на «смещения акцентов» [Шукшин, 2009ж, с. 285], на связанные с ними «намеки» и «полуслова» [Шукшин, 2009г, с. 37], на сказанное как бы мельком, вскользь, на кажущиеся неглавными фрагменты текста, фразы, а то и полуфразы – именно они не выскакивают у него «просто так» [Шукшин, 2009д, с. 238]. Все это необ-

ходимо возводить на уровень главной мысли. Писатель объяснил, какова в данной ситуации цель и подчиненная ей стратегия. Она заключается в том, чтобы преодолеть «обстоятельства», «выявить правду» своего времени, найти способы и приемы, которые позволяют рассказать о ней. Мотивы «думы» и «правды» являются определяющими для данной стратегии.

При попытке проиллюстрировать тему «зашифрованный Шукшин» сложно выкроить какое-либо произведение, без того чтобы не обрезать множество важнейших связей с другими текстами писателя, с его «большим романом». Однако в данном случае придется это сделать. В аспекте заявленной темы будут рассмотрены рассказы «Начальник», «Ораторский прием» и «Наказ».

«Начальник» [Шукшин, 2009в, с. 59–64] написан в 1966 г. (опубликован в следующем), а «Ораторский прием» – в 1971-м [Шукшин, 2009е, с. 214–219].

О. А. Скубач видит в «Ораторском приеме» переписанный сюжет «Наказа», подчеркнутую преемственность, причина которой в значительных переменах (в конце 1960-х – начале 1970-х гг.) художественного метода, в «смене творческих установок» писателя. Исследователь цитирует А. И. Куляпина, отметившего «эволюцию художественных принципов» Шукшина. Ее суть в том, что «рассказы, обозначившие границу нового этапа творчества писателя, возвращают читателя к образам, сюжетам, конфликтам из его ранних произведений» (цит. по: [Скубач, 2013, с. 110]). Это так, возвращают, однако выясняется, что Шукшин создает не просто «рассказы-дублиеты», в рассматриваемом контексте их настолько много, что выстраиваются не пары, а целые ряды, сложные цепочки произведений, связанных различными текстуальными фрагментами. В итоге мы действительно видим «одну книгу» или «большой роман», в котором сложно провести границы между текстами.

На мой взгляд, нет ничего удивительного в предположении, что рассказы «Начальник» и «Ораторский прием» были задуманы автором одновременно, в сущности, как две части единой конструкции, как тексты, поставленные во взаимодействующую позицию. Ведущую роль в этой связке играет «Ораторский прием», потому с него и следует начать. Исследователь определяет жанр произведения – «рассказ-анекдот» и видит в нем «своеобразный социально-психологический анализ характера человека, входящего во власть» [Никонова, 2007, с. 198]. Анекдот, комичная история о неудавшемся начальнике Александре Захаровиче Щиблетове – очевидное, лежащее на поверхности. Однако проблема в том, что в целом многозначный образ-символ, который Шукшин создает в трех указанных рассказах, далеко выходит за рамки данного жанра.

Несомненно, автор глубоко продумал предлагаемую им символику и смыслы, которые она несет. В «Ораторском приеме» и «Начальнике»

предстает модель социума, в котором без особого труда угадывается построенное в СССР «новое общество».

В рассказе 1966 г. двенадцать лесорубов (вместе с начальником) – тринадцатым к ним добавится шофер Митька Босых – находятся на «дальней делянке», в заснеженной долине, где разгулялся «злой ветер». В тексте, написанном в 1971-м, ситуация повторяется. «Тринадцать человек совхозных – молодых мужиков и холостых парней – направили “кубы” (на лесозаготовки)». Модель социума – лесозаготовки или лесоповал. Это понятие-символ, с неперенным атрибутом – «нарами» (в «Начальнике» Митька «сел на нары» (см.: [Скубач, 2013, с. 107]), «полез на нары», «Колька полез к Митьке на нары»), отсылает, прежде всего, к сталинскому ГУЛАГу. Естественно, что, по мысли Шукшина, символ будет угадан, прочитан и вызовет у читателя соответствующие ассоциации. Авторские же ассоциации раскрываются еще и через описание непогоды в самом начале рассказа.

С утра нахмурилось; пролетел сухой мелкий снег. И стало зловеще тихо. И долго было тихо. Потом началось... С гор сорвался упругий, злой ветер, долина загудела. Лежалый снег поднялся в воздух, сделалось темно.

Двое суток на земле и на небе ревели, свистело, выло. Еще не старые, крепкие на вид есины начинали вдруг с криком клониться и медленно ложиться, вывернув рваные корни (здесь и далее курсив мой. – В. В.).

В этот набирающий силу *февральский «крутой яростный ад»* (в конце рассказа) выходит начальник. С. М. Козлова характеризует пейзаж и в целом манеру рассказа как «романтическую» и «нехарактерную» [2007а, с. 187] для Шукшина. Замечу, что «манера» в данном случае подчинена совершенно определенному авторскому заданию. Ничто не мешает видеть в данной демонической пейзажной зарисовке метафору-символ событий в стране – от февраля 1917 г. до времени написания рассказа¹. Необходимо заметить, что Шукшин описал оксюморонную ситуацию, изобразил некую небылицу. К февралю зимняя почва (тем более в Сибири) промерзает максимально, и невозможно представить себе такой «злой ветер», который бы выворачивал в это время есины с корнем. Автор явно ставит задачу привлечь внимание – читатель должен запнуться, остановиться и в недоумении спросить: почему же рассказ начинается со столь нелепой картины? В итоге становится понятно, что здесь псевдоошибка, некий знак – Шукшин (сын «врага народа», расстрелянного в 1933 г.) имеет в виду что-то другое: смертный крик (!) искореняемого, гибнущего в революционном, советском аду не старого, крепкого – того, что должно жить и жить.

---

¹ Шукшин очень искусно использовал аллюзии, связанные, например, с датами сталинской эпохи, прежде всего с 1937 г. См., в частности, как обыграна эта дата в рассказах «Генерал Малафейкин» и «Ноль-ноль целых».

Следует полагать, писатель был доволен тем, что символику «Начальника» не заметили самые въедливые и опасные читатели – редакторы. К тому же и прятал он ее весьма тщательно. Одновременно он планировал выдержать время и чуть позже дать дополнительный ключ к ее пониманию. Именно это Василий Макарович и делает в «Ораторском приеме». Здесь уже прямо обыгрывается евангельская ситуация.

Тринадцать человек совхозных – молодых мужиков и холостых парней – направили “кубы” (на лесозаготовки). На три-четыре недели – как управятся с нормой. Старшим назначили Александра Захаровича Щиблетова. Директор совхоза, напутствуя отъезжающих, пошутил:

– Значит, Щиблетов... ты, значит, теперь Христос, а это – твои апостолы.

В рассказе «Материнское сердце» (1969) есть примечательный диалог между прокурором и матерью Витьки Борзёнкова, попавшего в КПЗ. Прокурор

...заговорил издали, тоже как-то мудрено:

– Вот ты – крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?..

– Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

– Ну вот – шестнадцать. *В миниатюре – целое общество. Во главе – отец.* Так?

– Так, батюшка, так. Отца слушались... [Шукшин, 2009а, с. 41].

В этом «мудреном» диалоге Шукшин раскрывает принципы моделирования «целого общества», во главе которого – старший (рабочее название рассказа «Ораторский прием» – «Старший»), начальник, атаман, отец или даже предельно – Христос. Собственно, в двух рассматриваемых рассказах в аспект сакрального возведен вопрос о вожде, о власти: за кем может пойти «целое общество» / страна? Только в одном случае образ вождя подлинный, а во втором ложный. Следствия из этого тоже раздваиваются.

В названии первого рассказа герой сразу утверждается как начальник. Название второго иронично по отношению к герою, стремящемуся стать таковым. Щиблетов, сорокалетний «толковый автослесарь» (потолок возможностей определен), «все как будто чего-то ждал большего, чем только красоваться на Доске почета». Александр Захарович не местный – «из первых партий целинников». Остался в деревне, построил себе домик. «В летние месяцы к нему приезжала жена... или кто она ему – непонятно. По паспорту – жена, на деле – какая же это жена, если живет с мужем полтора месяца в году?». Его словам, что «она на приличном месте работает, не стоит уходить», деревенские не очень верят: «темнил что-то мужичок, а какие мысли скрывал, Бог его знает. За эту скрытность его недолюбливали».

Впервые назначенный старшим, он сразу же перестроился в типичного начальника. Его желание видеть в шофере потенциального осведомителя,

претензия на лучшее и отдельное место – в кабине, то командный, брезгливый, то насмешливый тон, предупреждения, указания и запреты («Сбор завтра в семь ноль-ноль <...> Не опаздывать. Ждать никого не будем»; «Не останавливайся!») – приказывает он водителю, подъезжающему к чайной; «Водку не продавать» – буфетчице и пр.) вызывают легкое удивление и пересуды, затем иронию, отчуждение, удивление до «потери дара речи», смех и, наконец, прямой отпор «апостолов»: «Садись в кабину и сиди. И не строй из себя. По сто пятьдесят все выпьют...».

Взаимодекодирующая позиция «Начальника» и «Ораторского приема» позволяет прояснить их контекстуальные смыслы, уточнить природу конфликта и сущность образов-характеров героев, выявить, кто «свой», а кто «чужой».

О. А. Скубач видит в драке Ивана Сергеевича и Митьки Босых основания для того, чтобы сомневаться в «однозначно положительном образе “начальника”». Она проводит параллель со сценой драки в рассказе «Танцующий Шива» [Скубач, 2013, с. 107]. В. В. Десятов рассматривает сходную начальную расстановку персонажей. «Главному герою (“начальнику Ивану Сергеевичу”, “старшему Щиблетову”) противопоставит один из его подчиненных (Митька Босых, Борька Куликов), побывавший в местах лишения свободы и имеющий художественные наклонности (Митька – “поэт”, Борька – шутник, оба по дороге на делянку поют)». «Первым или основным поводом для конфликта становится крепкий алкогольный напиток (водка, спирт): запрет на него со стороны “начальника” или “старшего” (едва не) приводит к драке» [Десятов, 2007, с. 199].

На мой взгляд, предложенная О. А. Скубач и В. В. Десятовыми аналитика нуждается в корректировке. Проблема в том, что подлинного конфликта между Иваном Сергеевичем и Митькой обнаружить *не удастся*. Подчиненный «попер» на начальника с кулаками, потому что напился, ему захотелось добавить², а тот категорически отказал. Столкновение в рассказе, конечно же, случайное, бытовое, мелкое. Это даже не драка. Начальник «ткнул Митьке куда-то в живот. Митька скорчился и сел на нары. С трудом продохнул...». Митька «капризно» отказался есть и объявил голодовку, что вызвало смех начальника и лесорубов. На этом все. Со стороны крепко выпившего «трепача», после того как он получил отпор, действительно, начинается «игра, рассчитанная на публику» [Шубин, 2016, с. 75]. Это описание совершенно несопоставимо с изображением кровавой драки в «Танцующем Шиве». «Нездешний (!) бригадир» наносит резкий тычок в живот Ваньке Селезневу. Он склонился и тут же получил «подлый» удар «согнутым коленом снизу в челюсть» [Шукшин, 2009з, с. 15].

² В рассматриваемом контексте интересна запись В. М. Шукшина, относящаяся к 1966 г.: «Я со своей драмой питья – это ответ: нужна ли была коллективизация? Я – ВЫРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА» [Шукшин, 2009ж, с. 289] (крупным шрифтом выделено в оригинале. – В. В.).

Изо рта Ваньки течет кровь. В «Начальнике» же автор описал *мнимый конфликт*, его драматургические возможности он тут же свел к нулю. Босых проспится, и этим все будет исчерпано. Не случайно Иван Сергеевич тут же пишет заметку в газету об «умелых действиях шофера Д. Босых и тракториста Н. Егорова». Так драки не кончаются. А еще начальник раскрыл лесорубам секрет, которым Митька попытался его шантажировать, и объяснил свое отношение к нему: «он отличный парень». То, что этот парень – «вор в прошлом», в системе поэтики позднего Шукшина не является отрицательной характеристикой. Тем более что через исполнение Митькой песни «Калина красная» автор прямо обозначил линию, ведущую к Егору Прокудину.

За плечами начальника двенадцать лет по статье «сто шестнадцать пополам», т. е. по 58-й. Митька сидел с ним в одном лагере и был там в его бригаде. Так что он ему – свой как никто из лесорубов. Пожалуй, прав Л. Аннинский, когда говорит о «трогательной дружбе двух бывших “зэков”» [1977, с. 243]. Да и все на этой делянке-лесоповале «свои».

С. Г. Боровиков справедливо видит в образе Щиблетова то, что можно вслед за Шукшиным назвать «смещением акцентов» (или масштабов). Права и обязанности того, кто ненадолго поставлен «за бригадира», весьма несложны, но автор изобразил человека преисполненного «сознанием едва ли не государственной важности» [Боровиков, 1978, с. 184]. «Если Иван Сергеевич – жертва сталинских репрессий <...> то Щиблетов сам ассоциируется со Сталиным (на шукшинском герое “галифе”, а слово “щиблеты”, от которого образована его фамилия, обозначает, согласно словарю В. Даля, “голенища”), и вообще со столичной властью (полупальто “москвичка”)), – излагает свое понимание В. В. Десятков [2007, с. 199].

На мой взгляд, убедительно или неубедительно, но возможны – и даже в большей степени – ассоциации Щиблетова с Н. С. Хрущевым. Никита Сергеевич тоже носил бурки (Щиблетов «в бурках»), галифе и «москвичку». Носил он и сапоги, которые позже сменил на штиблеты. Штиблетами могли называть и ботинки, и туфли. С 1960 г. по стране ходит анекдот о том, как Н. С. Хрущев стучал ботинком / туфлей то ли по трибуне, то ли по столу на заседании ООН. Щиблетов – целинник. В данном случае также неизбежны ассоциации с самой знаменитой экономической авантюрой Н. С. Хрущева – распашкой целинных земель. Шукшин подчеркивает невысокий профессиональный статус героя: «толковый автослесарь». В автослесари он вполне годится, а руководитель из него, несмотря на амбиции, никакой. Одна из устойчивых тем в кухонных разговорах и толках о Н. С. Хрущеве как руководителе государства – низкий управленческий, образовательный и культурный уровень. В завершение Щиблетов, как и Хрущев, насильственно лишен власти, свергнут.

Замечательно, что Александр Захарович тоже моделирует некую экономическую систему или сообщество: «...наш коллектив, со своей дисци-

плиной, со своей маленькой, но системой планирования. И нам никто не позволит ломать эту систему». Риторика бывшего целинника типична: он предлагает выполнить план по валке леса и очистке его от сучков не за четыре недели, а за две с половиной. Щиблетов копирует привычную реальность. Как только в Советском Союзе принимали пятилетний план, тут же появлялись инициаторы с лозунгами «пятилетку в четыре / в три года!» и т. п. На этот призыв следует реакция «апостолов» как на «трепотню» (отмечу, что данная черта прочно закрепилась за массовым восприятием Хрущева, как и за образом «советского начальника» в целом):

- Вон как!
- Что эт тебе, бабу повалить?
- Как получится, так получится! Для чего раньше времени трепаться?

Автор дал, как говорится, мнение народа, реплики с мест. При этом мужики привычно голосуют «за».

Следует обратить особое внимание на конкретно-образное воплощение той модели «общества», которой Щиблетов собирается руководить.

Представьте себе <...>: мы дрейфуем на льдине. И среди нас завелся один... субъект, который мутит воду. Все горят желанием взять правильный курс, а этот субъект явно тормозит... И подбивает других.

Обрисованное общество, во-первых, изолировано – это отвечает положению СССР, в том числе реальности существования «железного занавеса». Во-вторых, оно дрейфует, т. е. курса нет, его несет стихия. В-третьих, это даже не остров, а льдина, и это элементарно пугает: она может удариться, расколоться, она есть не что иное, как холодное, безжизненное пространство, обреченное на поглощение стихией. В-четвертых, в обществе возможно появление несогласных, саботажников³ (как их называли в недавнюю, сталинскую эпоху) и бунтарей, а это еще более усиливает опасность и тревогу за судьбы дрейфующих на льдине. В-пятых, пламенный руководитель ошибается в том, что под его началом «все горят желанием»... Дело обстоит с точностью до наоборот. Да и то, что Щиблетов может найти какой-то «правильный курс», вызывает как минимум иронию и горькую усмешку. «Дрейфовать» и «взять правильный курс» – оксюморонное сочетание. Здесь уместно замечание В. В. Десятова: «Взять какой-либо курс, находясь на дрейфующей льдине, в принципе невозможно, однако ответственность возлагается на вредителя – так же, как в советском обществе, по мысли С. Л. Франка, “вредители” требовались для того, чтобы объяснить затянувшийся процесс создания коммунистического общества» [Десятов, 2007, с. 200].

---

³ По статье 58-14 за контрреволюционный саботаж предусматривалось наказание «вплоть до расстрела с конфискацией».

«Ставлю вопрос честно и открыто: что делать с этим субъектом?», – спрашивает Щиблетов по поводу участи того, кто «подбивает других» против его власти.

– В воду! – подсказал Славка Братусь.

– В воду! – подхватил Щиблетов. – Для того чтобы всем спастись и взять правильный курс, необходимо вырвать из сердца всякую жалость и столкнуть ненужный элемент в воду.

Славка предложил, явно в шутку, типичную казацкую (средневековую) казнь. Щиблетов тут же переименовал ее – по сути, свел к сталинскому методу управления: ради «правильного курса» безжалостно истреблять несогласные «элементы» (!). Однако «столкнули» не Куликова, а самого непонятливого Щиблетова. Напрасно он обращался к мужикам: «друзья». Среди них он «не свой». По всем параметрам Александр Захарович противопоставлен «своему» Ивану Сергеевичу. Щиблетов выказал себя предельно бестолковым управленцем. Иван Сергеевич во всеобщей разногласии быстро набросал план, благодаря которому не только были доставлены продукты на делянку, но и спасена жизнь Митьки – в непогоду он запросто мог замерзнуть. Щиблетов подал директору совхоза жалобу на мужиков – «протокол собрания». Иван Сергеевич прикрыл тракториста Кольку, хотя тот провинился по-настоящему. Речь Щиблетова переполнена пустой риторикой. Иван Сергеевич правит свою речь, сознательно отказывается от высокопарных штампов, стремится к точности и простоте выражений. И прочее.

Против Щиблетова все мужики. И виноваты в этом не они. Разрушительные следствия он вызвал логикой собственных поступков, привел к ним, и они более чем ожидаемы. «Апостолы» не захотели следовать за «старшим», т. е. его заявку на это звание не подтвердили. Причина в том, что перед ними «псевдоспаситель» [Куляпин, 2005, с. 123], самозванец, Лжехристос, представитель антимира, а за таким ни один апостол не следует по определению.

Наложение автором на сюжетную ситуацию сакральной схемы открывает путь к весьма интересному прочтению и без того любопытного и сложного процесса, сущностью которого является заявка на власть того, кому она абсолютно не по плечу. В пространстве небольшого повествования Шукшин, по сути, моделирует становление лжевласти, попытки управлять народом при помощи авторитарного давления, нарастание недовольства, раскол, бунт / битву и свержение властителя-Антихриста (при помощи трех «пудовых оплеух»). Чем не история России в миниатюре?!

При этом «человек власти» настолько недалек и примитивен, самодоволен и нечувствителен к реакции противной стороны, к видению «народной точки зрения», что не может просчитать очевидное. Он совершенно не понимает своего истинного положения, того, что именно логикой собственных поступков провоцирует, готовит свое падение. «Ни ума, ни прав-

ды, ни силы настоящей, ни одной живой идеи!.. Да при помощи чего же они правят нами?» [Шукшин, 2009ж, с. 292]. Это ведь тоже замечательная истина, прямо относящаяся к истории страны. Как ни удивительно, и к завершению исторического бытия того социума, который автор моделирует.

В рассказе названы всего три фамилии мужиков. Все они знаковые. Не случайно фамилия предводителя – Куликов! Аллюзия в данном случае вполне прозрачна. Фамилия Ивана Чернова также связана с Куликовской битвой: в деревне Чернова состоялся военный совет, на котором перед схваткой было принято решение перейти Дон и сжечь мосты (см., например: [Каргалов, 2008, с. 327]). Славка Братусь своей фамилией символизирует братство, соборность мужиков в противостоянии власти Щиблетова. С этой властью они на ножах («И в воздухе блеснули два ножа...»). В смоделированной автором ситуации власть предстает... аналогом иноземному игу, а ее свержение есть главное сюжетное событие, уподобленное великому поворотному событию в истории Руси на пути к свободе – Куликовской битве! Именно эти смыслы читаются за тайнописью Шукшина.

Л. Аннинский относит рассказ «Начальник» к «не вполне характерным для Шукшина» и, пожалуй, «не очень удачным» [1977, с. 243]. Я готов согласиться со второй частью данного тезиса. Мы видим, что, действительно, перед нами собранная с определенными целями конструкция, придуманный текст. Все усилия при его создании (вкуче с «Ораторским приемом») направлены на то, чтобы вложить в него шифр, спрятать криминальные смыслы, характеризующие отношение автора к современной тупиковой социально-политической ситуации, к вождям, приведшим к ней. Характерно как раз то, что таких произведений у (позднего) Шукшина много. К их числу относится и рассказ «Наказ» (1972) [Шукшин, 2009б, с. 70–78].

Само построение рассказа можно назвать нелепым. Две его части на первый взгляд настолько не соотносятся друг с другом, что не сразу понятно, зачем было соединять их вместе, лепить едва ли не уродца. Однако все дело опять же в шукшинской тайнописи. (Кроме того, как всегда все сглаживается необычайным талантом Шукшина.)

Рассказ распадается на две части. В первой повествуется об избрании Григория Думнова председателем колхоза. Родственник, дядя Максим, приходит к нему в гости, чтобы поговорить и отметить это событие. Во второй части он дает племяннику наказ. Возникает убеждение, что для Шукшина важнее именно эта вторая часть (один из рабочих вариантов названия произведения – «Наказ дяди Максима»). Хотя, несомненно, важны и мысли, высказанные автором в первой части. Максим Думнов – двойник Шукшина, писатель отдает ему свои думы-размышления. Квинт-эссенция этих размышлений о методах руководства сводится к выводу: хоть «крой всех!..», хоть пытайся руководить «головой», – все это уже бы-

ло, было, но в итоге «ничего не вышло, и все». Вывод Максима абсолютно крамолен. Что, где и у кого «не вышло»? Разговор ведь точно не о предыдущих деревенских председателях. (Прием «смещения акцентов» заявил сам Шукшин.) В очередной раз сельский (и, вообще, частный) масштаб выступает как условность, позволяющая достаточно безопасно говорить о проблемах страны. Конечно, «ничего не вышло» именно в государстве, не вышло с коммунизмом у его строителей.

В разговоре племянник открывает характер своего дяди заново. «Сколько же, оказывается, передумала эта голова! – изумлялся он, взглядывая на Максима. – Ничего не принял мужик на голую веру, обо всем думал, с чем не согласен был, про то молчал. Да и не спорщик он, не хвастал умом, но правду, похоже, всегда знал». Разумеется, речь идет о совершенно конкретной правде – о том, что строили новую жизнь, да не получилось: думал, понимал, был не согласен, не принял, но не спорил, а молчал. Здесь стоит вспомнить слова Л. В. Куравлева о том, что немая сестра Степки Воеводина (из рассказа «Степка») «была для Василия Макаровича символом России» [Куравлев, 1979, с. 228].

Вторая часть «Наказа» на тему, «каким надо быть руководителем», сделана очень сложно и содержит в себе парадоксальные (хотя большей частью знакомые) смыслы. Максим рассказывает историю из времени, когда ему и его друзьям было «лет по пятнадцать, может, поменьше». Используя топонимику родного алтайского села Сростки, Шукшин моделирует конфликт между «мы» и «они» – Низовкой и Мордвой (знаменательно, что в начальном варианте – между Низовкой и Баклановкой). «Мордовские нас били: больше их было, что ли, потом они все какие-то... черт их знает – какие-то были здоровые. Спуску мы тоже не давали <...> Но все же ордой они нас одолевали». «В семантике битвы между Мордвой и Низовкой означены мотивы истории Руси», – замечает С. М. Козлова [2007б, с. 185]. Конфликт «мы – они» наполняется историческим содержанием: «русские – орда». Автор подчеркивает длительность конфликта. «Это не первый год у нас тянулось, мы не раз и не два пробовали дать мордовским, но никогда не получалось».

Так продолжалось пока не появился и не поселился в Низовке «один парнишечка, наш годок, а ростиком куда меньше, замухрышка, можно сказать». Приехала его семья откуда-то из Черни (в первоначальном варианте – «из Чечни» [Наказ. Комментарии, 2009, с. 318]), с гор, но – русские. Парнишечку того звали Ванькой (ср.: имя руководителя в «Начальнике»). «Невысокого росточка <...> но – подсаистый, рука такая... вроде не страшная, а махнет – с ног полетишь. Но дело не в руке». Дело в том, что «душа была стойкая. Ах, стойкая была душа!». (Ср. о Степане Разине: «Больше у него ничего не оставалось в последней, смертной борьбе с врагами – *стойкость* и полное презрение к предстоящей последней муке

и к смерти» [Шукшин, 2009и, с. 311]. Аналогичная образность использована автором и при создании фигуры Ивана Сергеевича в «Начальнике».)

Ванька сумел разжечь, обработать низовских – они позабыли «про все свои поражения и пошли». Место сражения рассказчик отделяет от деревенского пространства водой – сошлись на острове. «Штаны надо снимать – перебродить-то. Перебрали мы туда...». «Описание драки мальчишек в протоке реки содержит аллюзии Куликовской битвы», – опять же констатирует С. М. Козлова [2007б, с. 185]. Перелом в нешуточное побоище – «прямо насмерть схватились!» – внес все тот же Ванька, итогом стала победа низовских. Ваньку Максим и называет «врожденным» руководителем. «Один завелся – и готово дело, все *перестроил* (!)».

В финале своей истории Максим Думнов противопоставляет подобных Ванек («их таких много») несмелым и лживым руководителям, у которых все на словах, а не на деле.

Перед теми, кто только на словах-то, перед имя же не совестно, а перед таким вот стыдно. Этот-то, он ведь все видит. Ты ему не словами, делом доказывай... Делом доказывай, тогда он тебе душу свою отдаст.

Закончив свой наказ, гость выходит из дома племянника. На крыльце он

..громко прокашлялся и сказал сам себе:
– *Экая темень-то!* В глаз коли...

(Ср. с символикой темноты в «Начальнике».)

Как мы видим, структура притчи-наказа Максима Думнова образует симбиоз с «Начальником» и «Ораторским приемом». Созданный автором контекст позволяет понять, что он абсолютно разочарован в советских руководителях, а от веры в реальную практику строительства коммунизма у него давно не осталось и следа. Шукшин переполнен злобой и ненавистью к советской власти, внутри него живет идея бунта, восстания, сражения против нее. Отсюда, в частности, образ Ваньки, в котором сливаются черты древнерусского воина и казацкого атамана Стеньки Разина. Отсюда возможно кажущееся странным сочетание Куликовской битвы и казацкого восстания. Советская власть приравнена к нашествию внешнего врага, орды, и с нею надо биться не на жизнь, а на смерть! – вот зашифрованная мысль писателя. Отсюда и определенная условность первой части «Наказа»: какой смысл в обсуждении выбора между стилями руководства, когда само руководство сначала надо бы свергнуть! «Мы все спорили, – писала Виктория Софронова, вспоминая жизнь с Шукшиным, ее гражданским мужем. – Я и мама защищали советскую власть, а Вася ругал» [Варламов, 2016, с. 192]. Сказанное относится к 1963–1964 гг. Из этого свидетельства можно сделать единственный вывод: по крайней мере, уже в это время Шукшин настроен жестко антисоветски. (А. Н. Варламов, издавший книгу о Шукшине в серии ЖЗЛ (2015) и ее дополненную версию в Барнауле (2016), не разобрался в вопросе, в оксюморонной, зашифрованной поэтике

писателя, и обвиняет в плоском подходе тех, кто объявит его советским или антисоветским, см. [Варламов, 2016, с. 233–234].)

Максим пришел рассказать племяннику Григорию притчу-наказ, который (как и история «бунта» в «Ораторском приеме») является эквивалентом сюжета «Я пришел дать вам волю». Но адресат наказа явно не Григорий. Какой из этого новоизбранного руководителя Ванька или Стенька?! Григорий вообще является подставной фигурой, понадобившейся Шукшину, чтобы выговорить свое тайное. Притча адресована читателю. Он должен «уловить, <...> что хотел донести» автор. На место Григория как слушателя Шукшин явно ставит читателя. «Расскажу, как я, к примеру, это дело понимаю. А? – Максим посмотрел прямо в глаза племяннику, непонятно и значительно как-то усмехнулся. – *Ничего, поймешь что к чему. Пой-меешь*». Действительно, хоть и трудно разгадывать и понимать зашифрованные страницы шукшинского «большого романа», но все-таки разгадать и понять можно.

Управляй хоть как, толку не будет. Писатель дает наказ не как управлять, а желает всей душой появление руководителя, который сметет существующую власть и «все перестроит».

Руководитель, который начал перестройку появился в СССР в следующем десятилетии. Г. Горышин описывает один из праздников в Сростках в перестроечные годы. «Говорящие говорят, внимающие внимают. Все ищут ответа, ждут слова. “Шукшин – это перестройка!” – гремит над Бикетом. Все с этим согласны, кажется, так...» [Горышин, 1989, с. 104]. Тема, как отнесся бы Василий Макарович к инициатору перестройки (которого она самого смела), к тому, как «все перестроили» и перестраивают до сих пор, находится за пределами нашего обсуждения. Но следует сказать, что для блуждающей в поисках «верного пути» постперестроечной России образ Стеньки Разина остается по-прежнему актуален.

Список литературы

Аннинский Л. Путь Василия Шукшина // Аннинский Л. Тридцатые – семидесятые. М., 1977. С. 228–268.

Боровиков С. Характеры Василия Шукшина // Волга. 1972. № 1. С. 183–186.

Бурков Г. Хроника сердца. М., 1998. 320 с.

Варламов А. Василий Шукшин. Барнаул, 2016. 488 с.

Горышин Г. «Где-нибудь на Руси...» // Шукшинские чтения: Статьи, воспоминания, публикации. Барнаул, 1989. С. 69–104.

Десятов В. В. Ораторский прием // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3. С. 199–200.

Каргалов В. В. Русь и кочевники. М., 2008. 480 с.

Козлова С. М. Наказ // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007б. Т. 3. С. 183–186.

Козлова С. М. Начальник // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007а. Т. 3. С. 186–187.

Куляпин А. И. Творчество В. М. Шукшина: от мимезиса к симеозису. Барнаул, 2005. 140 с.

Куравлев Л. Как березы... // О Шукшине: Экран и жизнь. М., 1979. С. 223–235.

Наказ. Комментарии // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009. Т. 6. С. 317–320.

Никонова Т. Н. Ораторский прием // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3. С. 198–199.

Последние разговоры... // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009. Т. 8. С. 184–192.

Скубач О. А. Пространство советской культуры в прозе В. М. Шукшина: Монография. Барнаул, 2013. 132 с.

Шубин Р. В. Лидер, начальник, первый в творчестве В. Шукшина: к образу мирового человека // Филология и человек. 2016. № 1. С. 69–84.

Шукшин В. М. Материнское сердце // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009а. Т. 5. С. 35–45.

Шукшин В. М. Наказ // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009б. Т. 6. С. 70–78.

Шукшин В. М. Начальник // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009в. Т. 3. С. 59–64.

Шукшин В. М. Нравственность есть правда // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009г. Т. 8. С. 33–41.

Шукшин В. М. Письма // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009д. Т. 8. С. 195–277.

Шукшин В. М. Ораторский прием // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009е. Т. 5. С. 214–219.

Шукшин В. М. Рабочие записи // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009ж. Т. 8. С. 278–293.

Шукшин В. М. Танцующий Шива // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009з. Т. 6. С. 10–16.

Шукшин В. М. Я пришел дать вам волю // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009и. Т. 4. С. 5–314.

Article metadata

Title: About the Problem of Exposure of Author's Coding Methods in Works of V. M. Shukshin

Author: V. K. Vasiliev

Author's e-mail: v-v-kir@yandex.ru

Author's affiliation: Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Abstract. The unicity of Shukshin's oeuvre is that from the middle of 1960s when he is consciously seeking for and invents coding tools of his creations. The author himself has pointed out some methods of «code» creation. He pays attention to the “change of emphasis”, “hints”, “nuances”, things which are said at a glance, cursorily, on parts of text which appear to be secondary. The actual problems, questions, node of the conflict and the conflict itself can be described by Shukshin in one creation, but the extension, comments, answers or the variant of the pay-off are described in another one, which is published many years after. That is why there are a lot of double characters, double episodes, story-lines, which stand in the inter decoding position. So everything that is about author's code should be considered as the main thing as the author directed to us. The aim of such art strategy is to tell the truth about the time, to state the hate and revolt. This article is about the methods, which Shukshin used, while coding the novels “Director”, “Rhetorical device” and “Order”, and also about clearing up the point of this code.

Key terms: Shukshin's oeuvre, text-code, author's code, methodology of text analysis, cyclization, anti-Soviet literature.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-364-379

Reference literature (in transliteration):

Anninsky L. Put' Vasilija Shukshina. In: Anninsky L. Tridcatye – semidesjatye. Moscow, 1977, p. 228–268. (in Russ.)

Borovikov S. Haraktery Vasilija Shukshina. *Volga*. 1972, no. 1, p. 183–186. (in Russ.)

Burkov G. *Khronika serdtsa*. Moscow, 1998, 320 p. (in Russ.)

Varlamov A. *Vasilij Shukshin*. Barnaul, 2016, 488 p. (in Russ.)

Desyatov V. V. Oratorskij priem. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. Barnaul, 2007, vol. 3, p. 199–200. (in Russ.)

Goryshin G. “Gde-nibud' na Rusi...”. In: *Shukshinskie chteniya: Stat'i, vospominaniya, publikatsii*. Barnaul, 1989, p. 69–104. (in Russ.)

Kargalov V. V. *Rus' i kochevniki*. Moscow, 2008, 480 p. (in Russ.)

Kozlova S. M. *Nakaz*. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. Barnaul, 1989, vol. 3, p. 183–186. (in Russ.)

Kozlova S. M. *Nachal'nik*. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. Barnaul, 1989, vol. 3, p. 186–187. (in Russ.)

- Kulyapin A. I. Tvorchestvo V. M. Shukshina: ot mimezisa k simeozisu. Barnaul, 2005, 140 p. (in Russ.)
- Kuravlev L. Kak breezy... In: O Shukshine: Ekran i zhizn'. Moscow, 1979, p. 223–235. (in Russ.)
- Nakaz. Kommentarii. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 6, p. 317–320. (in Russ.)
- Nikonova T. N. Oratorskij priem. In: Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Barnaul, 1989, vol. 3, p. 198–199. (in Russ.)
- Poslednie razgovory... In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 8, p. 184–192. (in Russ.)
- Skubach O. A. Prostranstvo sovetskoj kul'tury v proze V. M. Shukshina. Monograph. Barnaul, 2013, 132 p. (in Russ.)
- Shubin R. V. Lider, nachal'nik, pervyj v tvorchestve V. Shukshina: k obrazu mirovogo cheloveka. *Filologiya i chelovek*, 2016, no 1, p. 69–84. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Materinskoe serdtse. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 5, p. 29–34. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Nakaz. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 6, p. 70–78 (in Russ.)
- Shukshin V. M. Nachal'nik. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 3, p. 59–64. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Nравstvennost' est' pravda. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 8, p. 33–41. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Pis'ma. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 8, p. 195–277. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Oratorskij priem. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 5, p. 214–219. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Rabochie zapisi. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 8, p. 278–293. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Tantsuyushhiy Shiva. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 6, p. 10–16. (in Russ.)
- Shukshin V. M. Ja prishel dat' vam volju. In: Shukshin V. M. Sobr. soch. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 4, p. 5–314. (in Russ.)